

ОТКЛИКИ ЗА РУБЕЖОМ НА СМЕРТЬ А. М. ГОРЬКОГО

ЯПОНИЯ

ТОКИО, 20 июня. (ТАСС). Ряд японских газет сегодня посвящает большие статьи памяти А. М. Горького, подчеркивая, что безвременная смерть великого пролетарского писателя — огромная потеря для мировой культуры, литературы и гуманизма.

Известный литературовед Ионекава в статье, опубликованной газетой «Асахи», между прочим, пишет:

«Умер Горький. Это была большая звезда, которая, начиная с конца XIX века, непрерывно сверкала на протяжении полустолетия. Произведения Горького войдут в сокровищницу мировой культуры, как вечно сверкающие жемчужины искусства».

Ионекава подчеркивает, что «величайшие заслуги Горького не ограничиваются только деятельностью в области литературы. Горький — великий общественник и величайший гуманист. Вместе со многими другими мы разделяем горе по поводу смерти великого человека».

Ионекава, перечисляя основные произведения Горького, отмечает также величайшие заслуги Горького по изданию «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданских войн».

Известный пролетарский писатель и критик Акита в статье, опубликованной в «Тейто Ници-Ници», подчеркивает, что

«Горький — великий, кристально чистый человек, непрестанно борющийся со всем тем злом, от которого страдает человечество».

Акита напоминает, что Горький с исключительной теплотой и любовью относился к детям и подчеркивал огромную роль воспитания детей в деле построения социализма.

«В последнее время, — пишет Акита, — Горький отдавал все силы поднятию культуры трудящихся и оказанию помощи молодым писателям».

США

ВАШИНГТОН, 20 июня. (От соб. корр. «Известий» по телеграфу). Вся печать дает обширные некрологи на 2—3 колонки с портретами Алексея Максимовича. «Вашингтон пост» называет Горького «литературным гигантом русской революции». «Нью-Йорк таймс» пишет в передовой, что

«великих русских писателей XIX века нельзя обвинить в невнимании к окружающей их жизни, но свежая народная нота, взятая Горьким на повороте столетия, исходила от человека, который сам бродил по дорогам России, работал на фабриках, спал в подвалах и ночлежках, — подлинная нота пролетарского мира и дня привлекала его. В своих произведениях Горький был одним из тех угнетенных, немущих, во имя которых была проделана большевистская революция».

В некрологе та же газета напоминает о связи Горького с революционным движением с самых ранних времен.

«Геральд трибюн» в некрологе пишет, что Горький задолго до 1917 г.

получил международную известность. «Русские народные массы любили его, как борца и глашатай своих дум и чувств».

Газета отмечает руководящую роль Горького в советской литературе, в формировании новых поколений писателей, вкуса масс к искусству и литературе. Газета подчеркивает участие Горького в революционном движении и его дружбу с Лениным.

В. РОММ.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПРАГА, 20 июня. (ТАСС). Часть вчерашнего заседания муниципалитета города Праги была посвящена памяти Алексея Максимовича Горького. На заседании было решено отправить телеграммы соболезнования на адреса полпреда СССР в Праге и городских советов Москвы и Горького.

Коммунистка Ябуркова внесла предложение назвать в честь великого писателя одну из главных улиц Праги

улицей Горького и основать фонд имени Горького для содействия изучению советской литературы. Бургомистр Праги Бакса выразил свое согласие с этим предложением, и оно было передано на разработку в комиссию.

РУМЫНИЯ

Румынский министр иностранных дел г-н Титулеску послал следующую телеграмму народному комиссару по иностранным делам тов. М. М. Литвинову:

«С глубоким волнением я узнал о смерти великого писателя Максима Горького, произведения которого пользуются широкой известностью и вызывают восхищение в моей стране. Траур, который переживает наш великий друг СССР, является одновременно трауром для всей мировой литературы. Прошу принять мои искренние соболезнования».

ТИТУЛЕСКУ».

Из-за границы непрерывным потоком поступают многочисленные телеграммы, выражающие соболезнование и скорбь по поводу смерти А. М. Горького. Экспедиция Гарвардской обсерватории и Массачусетского института технологии по изучению солнечного затмения в Ак-Булаке послала на имя т. Молотова телеграмму с выражением глубокого сочувствия. На имя полпреда СССР в Китае т. Богомолова получено соболезнование от председателя китайско-советского культурного общества Сунь Фо. Китайская ассоциация литераторов отравила семье А. М. Горького телеграмму. На имя наркома просвещения РСФСР тов. А. С. Бубнова получены телеграммы: от турецкого министра народного просвещения г-на Саффер

Арикана и от французского министра авиации Пьера Кот. В Наркоминдел поступили соболезнования: от муниципалитета гор. Смирны (Турция), от чехословацкого общества культурного сближения с СССР, от советских колоний в Сеуле, Нанкине и др. и от редакции венской газеты «Нее фрейе прессе». Редакцией «Известий» получены телеграммы: от советской колонии и полпреда СССР в Бухаресте (Румыния) и от издательства «Интернейшнэл Паблшерс» из Нью-Йорка.

Французские, бельгийские, турецкие, голландские, румынские, венгерские, греческие и шведские газеты помещают подробные некрологи, подчеркивая заслуги А. М. Горького перед мировой литературой.

НА СНИМКЕ (справа налево): А. М. Горький, И. Е. Ренки и В. В. Стасов в Финляндии в 1906 году.

СЛАВА ПИСАТЕЛЯ

Лев КАССИЛЬ

Не знаю, может ли писатель мечтать о большей славе. Подобных прижизненных литературных слав не помнит история, таких писательских судеб она не знает.

Прожить огромную жизнь, романтическую, увлекательную, полную страстей, контрастов, профессий и непростанного труда, замечательных встреч, великих дружб. Пройти из мрачайших недр жизни на ее высочайшие вершины и неустанно звать туда человечество. Гроном предвестий своих открывать молнии приближавшей грозы. Влюбленно верить в человека, словом, делом, жизнью своей высоко вознести самое человеческое знание и дожить до дней, когда человек прозвучал, как никогда, гордо в сталинской Конституции. Величием своего таланта и труда быть под стать грандиозной эпохе, быть литературным учителем страны, быть другом Ленина и Сталина, одноклассником революции, товарищем ее юности и другом нового поколения, которым так восхищался, учить которое не уставал до последних своих дней. При жизни стать общепризнанным классиком, видеть парки, самолеты, театры, улицы, города своего имени, которое вошло в свод славнейших имен родины. Такова величественная судьба Горького.

Максим Горький — это не только имя знаменитого писателя. Это больше, чем имя, это целое понятие, комплекс понятий о славе, уме, таланте, мужественном сердце, знании жизни. Он давно уже входит в какой-то культурный минимум, которым располагает всякий мало-мальски мыслящий человек. Максим Горький — это больше, чем имя человека. Это высокое звание. Это имя стало нарицательным более даже, чем имена героев из книг Горького. Образ Горького совпадает с народным представлением о настоящем писателе. Писатель должен быть вот таким! Писатель — это вот он!..

К нему обращались за советами, за помощью. Ему писали письма, тысячи писем, ему слали книги, рисунки, снимки, рукописи, чертежи, игрушки. Его огромная слава была наградой, гордостью, славой каждого из нас: только в нашей стране может быть окружен таким прижизненным всенародным обожанием писатель, «штатский» писатель (вспомните, как негодовали некогда сановные лица, что в Москве поставили памятник «штатскому Пушкину»).

Могучего Гете улагодворили ливрейным мундиром министра герцога Веймарского, и он считался одним из правителей карманного герцогства. Но вряд ли это звание дало автору «Фауста» что-нибудь, кроме проницеских улыбок чужих его потомков.

Алексей Максимович Горький не имел никаких особых установленных полномочий, званий, кроме писательского, но он был могущественным властителем душ, и народы Союза со всеми пролетариями мира чтут его имя, как одно из первых имен в огромной стране социализма. Его широкополю шляпу майские и октябрьские демонстранты видели на левом крыле мавзолея, рядом

стра в Колонном зале Дома союзов. Два года назад он председательствовал в этом зале на съезде писателей. Я помню, вечером вместе с пионерами из «Базы курносых» мы были у Алексея Максимовича дома. Он был радушно шутлив, весел, покашливал легонько и гмыкал, довольный, брал ребят за головы и ершил им волосы.

Одна из девочек, побойчее, все оттирала других, чтоб сесть рядом с Алексеем Максимовичем.

— У-ух ты, чертовка; — сказал он добродушно своим глухим окаящим басом и двинул смешно усами.

Скажи так кто-нибудь другой, это вышло бы наверняка грубо. Но у Горького это получалось до того тепло и смешно, такая ласковая хмурь скрывалась в бровях, что от этого всем сразу делалось удивительно хорошо. Когда он сердился, он говорил совсем по-иному — строго, сдержанно. «Совершенно глухой человек», — сказал он как-то вежливо об одном литераторе. Он умел находить в разговоре замечательно верные, точные, живые слова. Рассказчиком, как известно, он был изумительным. Мне несколько раз приходилось слышать рассказы Алексея Максимовича из своей жизни или о других лю-

дах. Каждый раз в самом коротком рассказе вставали живые, буквально двумя словами, но со всех сторон показанные люди, действовавшие убедительно и интересно. В тот вечер ребята также стали просить Алексея Максимовича, чтоб он что-нибудь рассказал.

— Ну чего я вам расскажу? — отнекивался Горький, — ей-богу нет ничего, просто не знаю.

— А вы, Алексей Максимович, — посоветовала бойкая пионерка, — возьмите бумагу, поставьте на нее карандаш, будто писать... сразу тогда как начнете!..

И Горький рассказал ребятам чудесную историю о том, как в детстве он с приятелями в Нижнем-Новгороде бил камнями фонари на взвозе у Волги. «Очень здорово насобачились». Но раз прохожий изловил ребят. Вместо того, чтобы наказать ребят, надрать им, как тогда полагалось, уши, прохожий рассказал мальчикам, как делают фонари, как выдувают стекло, какой это труд и т. д. Охотники за фонарями слушали прохожего с таким же вниманием, с каким слушали через пятьдесят с лишним лет «курносые» этот рассказ. И избивание фонарей прекратилось. Вот и все. Весь рассказ. Горький передал его с замечательным мастерством, вполголоса, полшутя, застенчиво гмыкая в усы. Каждый из нас словно видел темную улицу, тусклые фонари, мальчишек и прохожего... Горький сам необыкновенно точно и ярко видел все, о чем он рассказывал или писал. Художники Кукрыниксы, иллюстрировавшие «Клима Самгина», рассказывали мне, как Горький, разглядывая эскизы иллюстраций, подмечал все мельчайшие неточности: «позвольте... у меня там сказано лампа слева висит, а у вас тут вот... А этот вот стол сюда вот отодвинуть надо... К нему надо оттуда пройти. Ведь он как там у меня. Он входит и...»

Он умел видеть жизнь, замечательно знал ее, он не боялся смотреть на неприглядные стороны ее, твердо, страстно, действительно веря, что человеческая жизнь должна и может быть прекрасной. Потому и слава Горького — одна из самых прекрасных слав, которые когда-либо знавал мир.

Под окнами Горького не собирались библиоманы требовать изменения судьбы его героев, как это было с Понсон-дю-Террайлем, когда тот посмел, наконец, умертвить своего Рокамболя... Таких широковедавательных фактов не знает биография Горького. У нас слишком уважают труд писателя, чтоб шуметь под его окнами. Но по книгам Горького учились и тысяч неонавидцев, любящих и борющихся с тысячами неонавидцев двух, если не трех поколений. Но когда Горький вернулся к нам из-за границы, советские пограничники и железнодорожники внесли его в родину на руках. Но когда он заболел, миллионы читателей хватали газету по утрам и искали там первым делом бюллетень о его здоровье, как искали прежде сводку с фронта или с посылки, цифры выплавки, добычи, погрузки, или градус северной широты, где дрей-

ГОРЬКИЙ—«БРОДЯГА» 1928 ГОДА

Горькому — уже в 1928 году — страстно захотелось посмотреть, что делается в новых писателях, что за люди сидят там, нет ли там его старых типов со «дна» («босиков Максима Горького»), что с ними стало, каковы новые посетители и т. д.

Но как реализовать такую экспедицию? Ведь нужно убедить от самого себя! Кто не знает Горького? И вот Алексей Максимович решил

ТОКИО, 20 июня. (ТАСС). Ряд японских газет сегодня посвящает большие статьи памяти А. М. Горького, подчеркивая, что безвременная смерть великого пролетарского писателя — огромная потеря для мировой культуры, литературы и гуманизма.

Известный литературовед Ионекава в статье, опубликованной газетой «Асахи», между прочим, пишет:

«Умер Горький. Это была большая звезда, которая, начиная с конца XIX века, непрерывно сверкала на протяжении полустолетия. Произведения Горького войдут в сокровищницу мировой культуры, как вечно сверкающие жемчужины искусства».

Ионекава подчеркивает, что «величайшие заслуги Горького не ограничиваются только деятельностью в области литературы. Горький — великий общественник и величайший гуманист. Вместе со многими другими мы разделяем горе по поводу смерти великого человека».

Ионекава, перечисляя основные произведения Горького, отмечает также величайшие заслуги Горького по изданию «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны».

Известный пролетарский писатель и критик Акита в статье, опубликованной в «Тейто Ници-Ници», подчеркивает, что

«Горький — великий, кристально чистый человек, непрестанно борющийся со всем тем злом, от которого страдает человечество».

Акита напоминает, что Горький с исключительной теплотой и любовью относился к детям и подчеркивал огромную роль воспитания детей в деле построения социализма.

«В последнее время, — пишет Акита, — Горький отдавал все силы поднятию культуры трудящихся и оказанию помощи молодым писателям».

США

ВАШИНГТОН, 20 июня. (От соб. корр. «Известий» по телеграфу). Вся печать дает обширные некрологи на 2—3 колонки с портретами Алексея Максимовича. «Вашингтон пост» называет Горького «литературным гигантом русской революции». «Нью-Йорк таймс» пишет в передовой, что

«великих русских писателей XIX века нельзя обвинить в невнимании к окружающей их жизни, но свежая народная нота, взятая Горьким на повороте столетия, исходила от человека, который сам бродил по дорогам России, работал на фабриках, спал в подвалах и ночлежках, — подлинная нота пролетарского мира и она привлекала его. В своих произведениях Горький был одним из тех угнетенных, неимущих, во имя которых была проделана большевистская революция».

В некрологе та же газета напоминает о связи Горького с революционным движением с самых ранних времен.

«Геральд трибюн» в некрологе пишет, что Горький задолго до 1917 г.

«Русские народные массы любили его, как борца и глашатая своих дум и чувств».

Газета отмечает руководящую роль Горького в советской литературе, в формировании новых поколений писателей, вкуса масс к искусству и литературе. Газета подчеркивает участие Горького в революционном движении и его дружбу с Лениным.

В. РОММ.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПРАГА, 20 июня. (ТАСС). Часть вчерашнего заседания муниципалитета города Праги была посвящена памяти Алексея Максимовича Горького. На заседании было решено отправить телеграммы соболезнования на адреса полпредства СССР в Праге и городских советов Москвы и Горького.

Коммунистка Ябуркова внесла предложение назвать в честь великого писателя одну из главных улиц Праги

ни Горького для содействия изучению советской литературы. Бургомистр Праги Бакас выразил свое согласие с этим предложением, и оно было передано на разработку в комиссию.

РУМУНИЯ

Румынский министр иностранных дел г-н Титулеску послал следующую телеграмму народному комиссару по иностранным делам тов. М. М. Литвинову:

«С глубоким волнением я узнал о смерти великого писателя Максима Горького, произведения которого пользуются широкой известностью и вызывают восхищение в моей стране. Траур, который переживает наш великий друг СССР, является одновременно трауром для всей мировой литературы. Прошу принять мои искренние соболезнования».

ТИТУЛЕСКУ».

Арикана и от французского министра авиации Пьера Кот. В Наркоминдел поступили соболезнования: от муниципалитета гор. Смирны (Турция), от чехословацкого общества культурного сближения с СССР, от советских колоний в Сеуле, Нанкине и др. и от редакции венской газеты «Нее фрейе прессе». Редакцией «Известий» получены телеграммы: от советской колонии и полпреда СССР в Бухаресте (Румыния) и от издательства «Интернейшнэл Паблишерс» из Нью-Йорка.

Французские, бельгийские, турецкие, голландские, румынские, венгерские, греческие и шведские газеты помещают подробные некрологи, подчеркивая заслуги А. М. Горького перед мировой литературой.

НА СНИМКЕ (справа налево): А. М. Горький, И. Е. Ренни и В. В. Стасов в Финляндии в 1906 году.

СЛАВА ПИСАТЕЛЯ

Лев КАССИЛЬ

Не знаю, может ли писатель мечтать о большей славе. Подобных прижизненных литературных слав не помнит история, таких писательских судеб она не знает.

Прожить огромную жизнь, романтическую, увлекательную, полную страстей, контрастов, профессий и непростанного труда, замечательных встреч, великих дружб. Пройти из мрачайших недр жизни на ее высочайшие вершины и неустанно звать туда человечество. Гроном предвещий своих открытые молнии приближавшей грозы. Влюбленно верить в человека, словом, делом, жизнью своей высоко вознести самое человеческое звание и дожить до дней, когда человек прозвучал, как никуда, гордо в сталинской Конституции. Величием своего таланта и труда быть податей грандиозной эпохе, быть литературным учителем страны, быть другом Ленина и Сталина, одноклассником революции, товарищем ее юности и другом нового поколения, которым так восхищались, учить которое не уставал до последних своих дней. При жизни стать общепризнанным классиком, видеть парки, самолеты, театры, улицы, города своего имени, которое вошло в свод славнейших имен родины. Такова величественная судьба Горького.

Максим Горький — это не только имя знаменитого писателя. Это больше, чем имя, это целое понятие, комплекс понятий о славе, уме, таланте, мужественном сердце, знании жизни. Он давно уже входит в какой-то культурный минимум, которым располагает всякий мало-мальски мыслящий человек. Максим Горький — это больше, чем имя человека. Это высокое звание. Это имя стало нарицательным более даже, чем имена героев из книг Горького. Образ Горького совпадает с народным представлением о настоящем писателе. Писатель должен быть вот таким! Писатель — это вот он!..

К нему обращались за советами, за помощью. Ему писали письма, тысячи писем, ему слали книги, рисунки, снимки, рукописи, чертежи, игрушки. Его огромная слава была наградой, гордостью, славой каждого из нас: только в нашей стране, может быть, окружен таким прижизненным всенародным обожанием писатель, «штатский» писатель (вспомните, как пегодовали некогда сановные лица, что в Москве поставили памятник «штатскому Пушкину»).

Могучего Гете убагоговорили ливрейным мундиром министра герцога Веймарского, и он считался одним из правителей карманного герцогства. Но вряд ли это звание дало автору «Фауста» что-нибудь, кроме иронических улыбок чужих его потомков.

Алексей Максимович Горький не имел никаких особых установленных полномочий, званий, кроме писательского, но он был могущественным властителем душ, и народы Союза со всеми пролетариями мира чтут его имя, как одно из первых имен в огромной стране социализма. Его широкополую шляпу майские и октябрьские демонстранты видели на левом крыле мавзолея, рядом со знакомой всем фуражкой Сталина. Он был другом, советником, товарищем руководителей нашей страны. И на торжественных наших собраниях, когда выбирали почетный президиум, вслед за членами Политбюро и правительством всегда почти произносилось, вызывая гром в зале, имя Максима Горького.

... Сейчас радио передает из Москвы шорох шагов, скорбные аккорды оркес-

стра в Колонном зале Дома союзов. Два года назад он председательствовал в этом зале на сезде писателей. Я помню, вечером вместе с пионерами из «Базы курносых» мы были у Алексея Максимовича дома. Он был радушно шутлив, весел, покашливал легонько и гмыкал, довольный, брал ребят за головы и ершил им волосы.

Одна из девочек, побойчее, все оттирала других, чтоб сесть рядом с Алексеем Максимовичем.

— У-ух ты, чертовка, — сказал он добродушно своим глухим окаяющим басом и двинул смехом усами.

Скажи так кто-нибудь другой, это вышло бы наверняка грубо. Но у Горького это получалось до того тепло и смешно, такая ласковая хмурь скрывалась в бровях, что от этого всем сразу делалось удивительно хорошо. Когда он сердился, он говорил совсем по-иному — строго, сдержанно. «Совершенно глупый человек», — сказал он как-то вежливо об одном литераторе. Он умел находить в разговоре замечательно верные, точные, живые слова. Рассказчиком, как известно, он был изумительным. Мне несколько раз приходилось слышать рассказы Алексея Максимовича из своей жизни или о других лю-

ГОРЬКИЙ—«БРОДЯГА» 1928 ГОДА

Горькому — уже в 1928 году — страстно захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет ли там его старых типов со «дна» («босиков Максима Горького»), что с ними стало, каковы новые посетители и т. д.

Но как реализовать такую экспедицию? Ведь нужно убежать от самого себя! Кто не знает Горького? И вот Алексей Максимович решил тряхнуть стариной, побродяжить, как некий советский Гарун-Аль-Рашид. Он надевает бороду и — волосатый, заросший, как медведь, искусно загримированный — ведет задушевные беседы. В результате этого занимательного бродяжничества появляется очерк (напечатан был в «Известиях», включен в книгу «По Союзу Советов»). На снимке — загримированный Горький.

дах. Каждый раз в самом коротком рассказе вставали живые, буквально двумя словами, но со всех сторон показанные люди, действовавшие убедительно и интересно. В тот вечер ребята также стали просить Алексея Максимовича, чтоб он что-нибудь рассказал.

— Ну чего я вам расскажу? — отнекивался Горький, — ей-богу нет ничего, просто не знаю.

— А вы, Алексей Максимович, — посоветовала бойкая пионерка, — возьмите бумагу, поставьте на нее карандаш, будто писать... сразу тогда как начнете!..

И Горький рассказал ребятам чудесную историю о том, как в детстве он с приятелями в Нижнем-Новгороде бил камнями фонари на взвозе у Волги. «Очень здорово насобачились». Но раз прохожий изловил ребят. Вместо того, чтобы наказать ребят, надрать им, как тогда полагалось, уши, прохожий рассказал мальчикам, как делают фонари, как выдувают стекло, какой это труд и т. д. Охотники за фонарями слушали прохожего с таким же вниманием, с каким слушали через пятьдесят с лишним лет «курносые» этот рассказ. И избивание фонарей прекратилось. Вот и все. Весь рассказ. Горький передал его с замечательным мастерством, вполголоса, полшутя, застенчиво гмыкая в усы. Каждый из нас словно видел темную улицу, тусклые фонари, мальчишек и прохожего... Горький сам необыкновенно точно и ярко видел все, о чем он рассказывал или писал. Художники Кукрыниксы, иллюстрировавшие «Клима Самгина», рассказывали мне, как Горький, разглядывая эскизы иллюстраций, подмечал все мельчайшие неточности: «позвольте... у меня там сказано лампа слева висит, а у вас тут вот... А этот вот стол сюда вот отодвинуть надо... К нему надо оттуда пройти. Ведь он как там у меня. Он входит и...»

Он умел видеть жизнь, замечательно знал ее, он не боялся смотреть на неприглядные стороны ее, твердо, страстно, действительно веря, что человеческая жизнь должна и может быть прекрасной. Потому и слава Горького — одна из самых прекрасных слав, которые когда-либо знавал мир.

Под окнами Горького не собирались библиоманы требовать изменения судьбы его героев, как это было с Понсон-дю-Террайлем, когда тот посмертно, наконец, умертвил своего Рокамболя... Таких широкоевещательных фактов не знает биография Горького. У нас слишком уважают труд писателя, чтоб шуметь под его окнами. Но по книгам Горького учились и учатся ненавидеть, любить и бороться тысячи революционеров двух, если не трех поколений. Но когда Горький вернулся к нам из-за границы, советские пограничники и железнодорожники внесли его в родину на руках. Но когда он заболел, миллионы читателей хватали газету по утрам и искали там первым делом бюллетень о его здоровье, как искали прежде сводку с фронта или с посевной, цифры выплавки, добычи, погрузки, или градус северной широты, где дрейфовала льдина челюскинцев... И когда жизнь его кончилась, трауром обвело знамена, краснотой глаза, день почернел, словно закрылся черной пленкой, которую мы приготовили для солнечного затмения. И страна, пораженная горем, приспустив флаги, воздала Максиму Горькому последнюю высшую почесть революционера — нишу в Кремлевской стене на Красной площади.